

СЕРГИЙ ЧЕРНЕЦ

Воспитание жениха

Сергий Чернец

Воспитание жениха

«Издательские решения»

Чернец С.

Воспитание жениха / С. Чернец — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962615-8

Эта книга на тему неприязни. Есть чувства, основанные на отрицательном отношении людей друг к другу. Самым сильным является вражда.

ISBN 978-5-44-962615-8

© Чернец С.
© Издательские решения

Содержание

Воспитание жениха	6
Предисловие	6
Часть 1	7
Часть вторая	8
Иллюзия = заблуждения	10
После дождя	12
Часть 1	12
Часть 2	15
Фраза	19
Урбанизация	20
Неприязнь	21
Часть 1	21
Часть 2. Про доктора	23
Исключение из пионеров. Из детства	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Воспитание жениха

Сергий Чернец

© Сергий Чернец, 2019

ISBN 978-5-4496-2615-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Воспитание жениха

Предисловие

Детство – это начало далёкого пути в жизнь. Маленький человек в начале пути познаёт мир со светлой непосредственностью, с открытым, доверчивым сердцем. И эти познания не исчезают бесследно, оставаясь в памяти навсегда. Поэтому детство человека – это важная часть его жизни, а не какая-то розовотуманная пора, которая исчезает в потоке течения реки жизни. Человек формируется под этими первыми впечатлениями, и они отражаются на восприятии жизни в дальнейшей грубой реальности. Давно покинутое детство человек носит с собой всегда.

Более полжизни проходит в отдалении.

Человек возвращается через много лет в родные места. Туда, где промелькнуло его детство, откуда ушёл он на большую и не всегда ровную дорогу жизни. Годы проносились быстро, как стрижи в полёте над рекой, он выросл, мужал, терял детские иллюзии об окружающем мире и, (чего уж таить) черствел душою, становился практичнее, а родительский дом, родимые места оставались для него «землёй обетованной», куда он никак не мог попасть, – всё не было времени и случая.

Но в последние годы, всё чаще и чаще (чем старше он становился) он вспоминал отчий край, светлые детские годы, и, наконец, не выдержав и «по случаю», собрался и поехал побывать на родине в деревне, в лесном захолустье (Моркинский район): посмотреть, взглянуть на ту давнюю, полузабытую синюю даль, что зовётся детством.

А чем пахнет детство? Летом, солнцем, ягодой, весёлою грозой, полевыми цветами на лугах у прохладной реки с родниковой водой, с родниками по крутым лесным оврагам. Мало у человека зимних воспоминаний о детстве: зимы ему хватало и во взрослой жизни.

Видимо, и ещё тридцать лет не побывал бы он на родине, если бы не болезнь радикулит – по слухам, в их краю жил «костоправ», знахарь к которому приезжали и из больших городов....

Часть 1

А в город я уехал по детской своей мечте, как вспоминается мне из прошлого, пока еду на автобусе и смотрю в окно на мелькающие деревья вдоль дороги.

Что поразило меня маленького, когда родители впервые привезли меня в город – это большой высоко, над водой, мост, по которому мы проезжали на автобусе к автовокзалу. От одной мысли, что так далеко внизу под нами, катит темная студеная вода у меня по спине мурашки ползли.

Город – как волшебство, с его пыльными тротуарами и дорогами все в асфальте (асфальтированных улиц в нашем селе не было в те времена).

Город – с шумными улицами дымящих машин и множеством народа, как в базарные дни в нашем райцентре. – А ещё в городе меня ждали вкусные пирожные и мороженое, которое иные мальчишки в нашей деревне (я уверен) и не едали никогда. И ещё – шипучая розовая вода из автомата за 3 копейки, которая бьет в нос: пьешь её – дух захватывает и после отрыжка, щекочущая ноздри.

Город, для мальчика, – это другая земля (планета), другой мир и он покорял и заманивал меня и заманил потом на долгие годы.

После первого посещения города, всё детство и юность, до окончания школы я только и мечтал уехать жить в город. И когда учился в ПТУ на шофера-тракториста, всё равно, я не хотел оставаться в деревне (ТПУ готовил трактористов для села).

И тут пресловутая «любовь» (влюблённость) от природы едва не оставила меня на селе. Поскольку будущая жена, невеста моя тогдашняя, совсем не собиралась никуда уезжать.

Лиза была почётной дояркой и не одной грамотой была награждена от колхоза. А невестой она оказалась строптивой, с каким-то характером идейным, своим. Она, видите ли, и «жениха» своего воспитывать решила. А получался один каприз на почве зазнайства.

Женихом-то я был завидным среди других парней (я так думаю): работал в колхозе шофером и на тракторе, и на комбайне в уборочную, а ещё поступил в городской Сельхозтехникум заочно на механика.

Не говоря про мелкие капризы своей невесты Лизы, скажу сразу, что она придумала – она отложила свадьбу саму! А к свадьбе готовятся – и родня и в правлении колхоза для росписи украшали бухгалтерию и сам «Предколхоза». Перед самой уже регистрацией, ребята преподнесли жениху (мне) 100 грамм для храбрости. Лиза услышала запах и заявила, что за пьяного замуж не пойдет. И никакие объяснения, и уговоры родных её не сломили. Свадьбу отложили с лета, после «посевной компании», на осень. И что бы вы думали? Осенью нашлась другая причина – Лиза снова отказалась замуж выходить.

Часть вторая

Расскажу, как бы это выглядело со стороны:

Возле сельсовета стоял грузовик, борта которого украшены были цветастой белой тряпичей, по которой ещё были прищиплены букеты живых цветов и ромашковых веночков. Это приехала молодёжь на бракосочетание. Ждали уже молодоженов. На крыльце сидел баянист и наяривал залихватскую мелодию. Разодетые красивые девушки танцевали на поляночке перед правлением. Тут же бегали дети, мальчишки и девчонки. Свадьба готовилась, колхозная свадьба.

Жених приехал один, почему-то. Случилась ссора с невестой, перед самой регистрацией, и это второй раз, и, кажется, уже насовсем рассорились. «Что случилось», – вы спросите?

Так вот. Поехал жених, накануне, в город за покупкой подарка и съездил быстро – с утра до обеда, туда и обратно. А во время празднования в доме, он решил подарить подарок. И подарок тот (не скажу что) очень дорогой, в три зарплаты, если не дороже. Лиза, конечно, стала спрашивать – откуда деньги, «откуда столько денег»? а жених крутил-вертел словесно, выдумывал всякое – откуда у него могут быть деньги. Но получил ультиматум: «Или ты скажешь всю правду или ты уже знаешь, на что я способна!». Тогда «жених» сознался, что они с бригадиром уже не раз «загоняли налево» (продавали) излишек бензина, а перед свадьбой, как раз по договору «загнали» несколько бочек.

– Да сэкономленный он, бензин тот! – говорил жених.

– Но это не значит, что он твой, – спокойно сказала Лиза.

Ну вот.... Свадьба опять срывалась по вине невесты. Лиза говорила, что с «вором» ей жить ни к чему!

Жених так и заявил председателю колхоза в правлении, куда примчался после ссоры: «Что же она мне душу рвет! Позорит на весь колхоз. Отпустите меня на все четыре стороны, прошу вас. Я в город уеду, работу и там найду».

И тут приехала невеста. (Председатель колхоза послал, чтобы привезли её, мол, вызывают в правление срочно). Она была одета подчеркнуто обыденно: заношенное платье, в котором ходила на ферму, на голове по-старушечьи повязан был грубый платок. А когда она сдвинула платок на затылок открылось её строгое красивое лицо. Особенно красивы были её глаза: большие, светло-голубые, подтемнённые густыми ресницами. Глаза говорили и о её смелой душевной прямоте, и о сильном её характере, и о страданиях, которые она сейчас переживала.

– Это правление или как? – сказала Лиза, – и советская власть тут... – кивнула она в сторону председателя.

– Мы тебе тут не власть, а просто старшие годами и жизнью, – ворчливо произнес председатель сельсовета.

– А чего вы сердитесь? – Лиза насмешливо посмотрела и на бухгалтершу. – Вы же на меня свои сельсоветские бланки ещё не испортили? – именно бухгалтерша должна была их расписывать.

– Да брось ты про бланки, сказала бухгалтерша Клавдия Васильевна. – Тут сама жизнь на повестке дня, – она говорила «казённой речью» всегда.

– Чья жизнь? – спросила Лиза с ухмылочкой.

– Твоя и его... и вся колхозная. —

Лиза качнула головой: – по-моему, я вашей жизни не касаюсь – сказала она.

Ну хорошо, хорошо, успокойся, чуть поморщилась Клавдия Васильевна: – А как с ним? Ведь он в город бежит. —

– Ну и пусть бежит, пожав плечами, тихо отозвалась Лиза. – Я тут причём? —

– Ведь у вас дружба, любовь, и свадьба должна быть, – повысив голос, сердито сказала Клавдия Васильевна. – Нам он не посторонний, а тебе и подавно. Кто его спасать будет? Или мы все дружно пихнём его в овраг? —

– Ворами, я слышала, милиция заниматься должна. —

Тут подошла пожилая женщина к Лизе:

– Ты серьезно считаешь, что Он вор? —

– Не спрашивайте меня, – прошептала Лиза и уголком платка убрала слезы. И, точно устыдившись своих слёз, резким движением гордо подняла голову. – А кто он по-вашему? —

«Что же ты делаешь – начал председатель свою беседу, – тут о жизни человека речь идет. Ты таких дров наломаешь, сама потом слезами умоешься» – и так далее, говорил с ней предколхоза.

– Я сама своей жизни хозяйка, – упрямо произнесла Лиза.

Председатель Сельсовета остановился – он всё ходил из угла в угол за своим столом, задвинув стул под письменный стол:

– Это тоже ещё неизвестно, – проворчал он и сел на своё место.

– А ты, герой, что думаешь? – Клавдия Васильевна повернулась к жениху.

– Мои думы простые, – ответил жених, глядя в сторону, чтобы ни на кого не смотреть, – завтра внесу деньги за бензин – и в город! —

Они уже договорились о деньгах с председателем, – что если он найдет деньги, то его отпустят из колхоза. Об этом он объяснил вслух.

Разговор дошёл до Лизы, и председатель спросил её мнение:

– Как ты думаешь, Лиза: отпустить его? —

Лиза рывком надёрнула платок на голову, вскочила и выбежала.

– Ну, вот, – сказала тогда Клавдия Васильевна, по-женски решив, – одно мнение мы имеем – не отпускать. – Но всё было гораздо сложнее.

Вспомнилась эта история по пути в тот самый уголок, где ещё жила Лиза, «первая любовь» моя, – пока я ехал на автобусе. А мне предстояло с ней встретиться. Она вышла замуж за колхозника-передовика (по слухам), родила двоих детей и живёт по-прежнему в своей деревне. В «моей» деревне!..

Конец.

Иллюзия = заблуждения

Не ошибается лишь тот, кто ничего не делает. Не надо бояться ошибаться – надо бояться повторять свои ошибки от раза к разу.

Ибо река истины протекает через каналы заблуждений: человек мечтал всегда – то летать, как птицы, а то мчаться и бежать как резвые кони. И если бы мы закрыли свою дверь для всех заблуждений, то и правду оставили бы за закрытыми дверями снаружи своего мирка, так и остались бы жить в пещерах.

Ошибаемся и ошибаемся мы всю свою жизнь, только факт – всегда голый, даже если он одет бывает по последней моде, как не разукрашивай новые девайсы – старая его сердцевина останется.

— — —

Умён не тот, кто не делает ошибок – умён тот, кто умеет легко и быстро их исправлять. А на нашем горизонте иллюзий, на лучезарном небосклоне всегда сыщется тёмное пятно – и это пятно часто наша собственная тень, – человек остается частью природы, как бы он не отделял себя от неё пластиком или асфальтом и бетоном городов. Наше предназначение не в том, чтобы пытаться ясно разглядеть то, что удалено от нас и скрыто в тумане, но в том, чтобы трудиться над тем, что у нас под рукой и дано нам природой!

Если уж заблуждаться и строить иллюзии, – пусть это будет по велению сердца, а оно любит всё природное и полезное для здоровья и для души.

— — —

У заблуждений нет предела. Человек не заблуждается один, – заблуждаясь, всякий распространяет свои заблуждения между окружающими и собирает иногда под свои знамёна заблуждений множество людей, общества и страны. Хороша идея – всеобщего равенства – но посмотрим на Природу: равенства нет среди животных, среди насекомых и даже среди бактерий нет равноправия – в природе всегда один вид использует другие виды. Идёт борьба – везде и всюду. В волчьей стае присутствует вожак и его поддерживают приближённые..., и так у всех видов живых организмов. Окей! Переделать всю природу – невозможно.

«Не следует упорствовать в неразумном», – сказал кто-то из разумных (Грасиан-и-Моралес Бальтасар 1658г.). – «Допустив промах, порой из него делают обязательство; начав с ошибки, думают выказать постоянство, продолжая в том же духе. Перед судом своего разума ошибку осуждают, а перед людским (публично) – оправдывают, и если в начале неразумной затеи их называли неблагоприятными, то, упорствуя, они достойны звания глупцов. Необдуманное обещание, равно как ошибочное решение и упорство в невежестве, коснеют в неразумии; видать, им хочется быть глупцами последовательными».

Многое в жизни зависит от разборчивости, а для этого требуется хороший вкус и верное суждение; прилежанием и даже хитроумием тут не возьмешь. Где нет отбора – нет и совершенства. Умение отбирать, и отбирать только лучшее, – вот достойное преимущество человека. Как пример, – многие люди таланта плодовитого и изощрённого, ума острого, к тому же весьма трудолюбивые и учёные, – теряются, когда дело доходит до выбора-отбора: того и гляди, схватятся за худшее, будто нарочно ошибаясь, берут не то. Итак, это один из величайших даров, интуитивных часто, – умение выбирать лучшее из многого.

Одна из самых губительных наших ошибок – портить всякое хорошее дело плохим проведением его в жизнь. (Плохого слугу лучше сразу же отставить от его должности, нежели постоянно на него гневаться – так сказано давно, более сто лет назад).

— — — —

Заблуждения опасны тем, что заключают в себе некоторую долю правды... – мечты иногда сбываются.

Заблуждаются люди не потому, что не знают, а потому, что воображают себя знающими истину, когда истина чуточку в стороне, на самом-то деле.

Есть такие заблуждения, которые трудно опровергнуть. Надо сообщить заблуждающемуся уму такие знания, которые его просветят. Тогда заблуждения исчезнут сами собою.

Но есть суеверия, в которых мы выросли, и они не теряют своей власти над нами даже тогда, когда мы познали уже их несостоятельность. Считать себя счастливее или несчастнее, чем есть на самом деле, – это обычное заблуждение молодости, которое сохраняется даже до старости.

Все люди ошибаются по-своему, ошибки заключаются в неправильно понятой точности: доза лекарства, из-за одной циферки приводит к смерти.

Одно из самых удивительных заблуждений – заблуждение в том, что счастье человека в том, чтобы ничего не делать!

Конец.

После дождя

Часть 1

– Нет, нет, эта игра всё-таки стоит свеч... – услышался голос пожилого академика с седой головой. Он шёл от берега реки к нашему костру.

Приближался рассвет, небо уже постепенно принимало голубой белёсый оттенок. Заря на востоке предвещала тёплый погожий денёк. В предвкушении рыбалки мы не спешили, ожидая, когда вскипит на костре чайник и когда утренние туманные сумерки озарятся лучами.

Пожилой академик вернулся от берега, от лодки. На лодке выезжали рыбачить двое – учитель Пенкин и «Профессор», как мы именовали нашего академика, а я оставался на берегу, бродя с поплавочной удочкой и возвращаясь к стоянке, к своим донкам с колокольчиками, заброшенным в конец ямки омута ближе к перекату, по звонкам которых бросал я свою поплавочную снасть на прибережную траву и «мчался» легким быстрым шагом за очередной «добычей».

Разговор у костра, в продолжение ночного, имел политически-философскую окраску: учитель разговаривал-рассуждал с Профессором, не забывая готовить снасти к предстоящей рыбалке.

– Вообще-то вы правы... —

До рыбалки ещё можно было не спешить. Когда ещё бывшие одноклассники смогли бы выбраться на природу. Мы просто лежали у костра на берегу и смотрели, как восходило солнце: как оно зажигало светом водную гладь и золотило верхушки деревьев; слушали утреннюю переключку птиц.

– объективно учёные сделали всё для обеспечения вселенской катастрофы – задумчиво говорил Профессор. – Правда, есть одно обстоятельство обнадёживающее. Как говорит один мой коллега, трагедия человечества в том, что оно разбито на два политических лагеря, а счастье его в том, что в этих двух лагерях существуют две ядерные энергии. И там и там знают, что выяснять практически, какая лучше, – опасно. Но представьте себе, что эта энергия была бы только у них. Тогда вы не успели бы даже сделать из этого выводов....

– но какой же может быть выход из этой опасной ситуации всечеловеческого баланса? – спросил Пенкин.

– Для нас, учёных, – пока один: безжалостно выкидывать дураков из науки и неустанно двигать её вперёд, чтобы баланс не стал опасным для нас. Но политики пусть тоже ищут выход. Я вижу пока только одно – мой друг, лодка готова... —

Чай был разлит мной по кружкам, и мы приступили к завтраку.

– Я сейчас установил (как «учёный», Профессор употреблял слова своего лексикона), что со времени своего детства я первый раз вот так безмятежно встречаю утро, – прихлёбывая горячий чай сказал Профессор улыбаясь.

– Смотрите, не увлекайтесь этим настроением, – рассмеялся Пенкин, – а то кругом жульё, мошенники и коррупция в науке, того и гляди обманут вас. —

Поворот разговора не был неожиданностью, ещё во время розовой зари, до рассвета, так и перескакивали они в разговоре от темы к теме.

– Я педагогический кончал, – продолжал Пенкин. – Мечтал о сельской школе в сибирской тайге, а попал вот сюда на село в своём районе. И на реку ходить мне не новость. А вот ты, дорогой Профессор, случайно встретился – объясните-ка мне научно. Что было бы, если бы не было лужи и не было бы в ней острых предметов, которые проткнули вам шины машины... — и он снова рассмеялся.

Действительно. Встретились мы почти случайно. Я приехал на «побывку» в родную деревню, и с учителем Пенкиным мы встречались давно. А вот Профессор был случайным гостем. У них машина с проткнутым колесом в автосервисе задержалась, и решил он за 20 км от родного села – съездить-таки на родину. Решение для него неординарное, – это отказ от всех своих дел..., и на автобусе он добрался до деревни. Автобусы только пустили не так давно в наш район.

Пенкин долго невнятно хмыкал, подхохатывал, а потом сказал:

– По теории вероятности – не мы, так кто-нибудь другой.

– Нет, нет! Про «кто-нибудь другой» мне не надо. Я сказал бы лично про себя. Так вот. – и Профессор поддержал им одним известный смех (то, над чем смеялись было из ночного предраассветного разговора, где теория вероятности тоже служила предметом обсуждения).

После завтрака и чая все замолчали, охваченные блаженным ощущением своей близости к природе, к тихому летнему утру. Неподалёку, точно спросонья, зацокал и принялся за рулады соловей. Профессор лежал с закрытыми глазами, по его лицу блуждали солнечные пятнышки, они точно ласкали его, и он по-детски улыбался.

Вдруг, Профессор резко поднялся и опёрся на руку. На лице его было такое выражение, будто он прислушивается к чему-то одному ему слышному и явно тревожащему его.

– Боже ж мой, как я, оказывается, далёк от всей этой сумасшедшей прелести! – растерянно сказал он. – А ведь приехал-то я сюда именно для того, чтобы быть ближе к природе. —

– Мне вас жалко, – сказал Пенкин.

Профессор медленно перевёл взгляд на него:

– Поймите, если я даже перед самыми окнами своего института разведу райский сад, всё равно, находясь в лаборатории, я буду невероятно далёк от этого рая и так же неразрывно близок к аду, в который я, как учёный, лезу. Профессор снова прилёг, подложил руки под голову и смотрел вверх, где шумели пронизанные светом кроны деревьев.

– А зачем вы лезете в ад? – спросил Пенкин.

– Мы уже говорили об этом – баланс не должен стать опасным. – пояснил Профессор.

– Значит, вы всё же лезете туда, чтобы сохранить рай на нашей земле? —

– Статьи в повременной печати о борьбе учёных за мир я читаю исправно, – насмешливо сказал Профессор, намекая, что их нужно читать и учителю.

– А сами в этой борьбе не участвуете? – в тон ему, насмешливо, быстро спросил Пенкин.

– Миру на той стороне интересно не то, что я изреку публично, «с трибуны», а то, про что я молчу, что секретно. – Профессор тихо рассмеялся. – моё молчание тоже входит в расчёт баланса.

Пенкин поднялся и сел, и смотря на Профессора, сказал:

– Извините вы меня за грубость, но вы говорите чушь. Неужели вы не понимаете, как важно людям услышать и ваш голос, – так сказать, для количества: что вы думаете о сохранении на земле мира. —

– Извините и вы меня за резкость, – ответил Профессор, – но и вы ни черта не понимаете, что мы, лезущие в ад, постигаем нечто такое, ещё вчера непостижимое, а это начисто отучает нас от примитивного мышления. —

– Сверхчеловеки? – спросил Пенкин.

– Совсем нет. Но мне иной раз кажется, что между моей наукой и тем, что делаете вы, расстояние в целый век. —

– Не забудем, для порядка в споре, что всё для вашей науки дали мы... – народ, спокойно сказал учитель Пенкин, с любопытством смотря на Профессора.

– Ну, по истории, – тёмный купец Савва Морозов, как известно, финансировал революцию, – мгновенно парировал Профессор.

– Во-первых, не тёмный, – спокойно возразил Пенкин. – Во-вторых, ваше сравнение – из области демагогии. —

Профессор задумался и рассмеялся:

– согласен. Беру его обратно. И заменяю вопросом конкретным. Объясните мне, пожалуйста, закономерность существования в одной и той же строящей коммунизм стране, – меня, учёного, моей работы – и вот этих мошенников с их жульническими шайками. Объясните. —

– Легче лёгкого, – ответил, смеясь Пенкин. – Государства в наш век не геометрически закрытые сосуды, они сообщаются, и происходит взаимная диффузия идей. И наши мошенники-жулики, не желающие жить по законам социализма, есть не кто иные, как лазутчики из того, другого мира капитала. Другими словами, как бы вам ни казалось, что вы со своей наукой вырвались в некий непознаваемый космос и обрели там философскую невесомость, – на самом деле вы всё время вместе с нами, людьми, подчинены вульгарному земному притяжению, и вы вместе с нами ведёте старую как мир борьбу – классовую, идейную. Конечно, догма есть догма, но наша мудрая и хорошо видящая даль истории старушка – философия – заботливо ведёт нас вперёд и вас и нас, грешных.

И забудьте о том, будто для вас необходимо выработать какую-то особую философию, помогающую вам чувствовать свою связь с грешной и отсталой землёй.

Это – опасное кокетство своей исключительностью. Вы, наверное, читали книги ваших западных коллег? Посмотрите, как они раскрывают перед нами наипростейшую формулу своего бытия: сначала наивное горение во имя чистой науки, но, как только на этом огне зажарились какие-то конкретные каштаны, начинается вторая биография – рассказ о том, как его купили за чистоган, с потрохами или без, продешевил он или сумел сорвать куш. Но, как правило, все они, возвышаясь в науке, отрывались от земли и своего народа, не случайно многие из них так легко меняли и землю и подданство, слепо идя туда, где им давали деньги а их возвышенные эксперименты. А потом бывало, что они проклинали собственные открытия... – Пенкин встал, и прошёлся от костра к дереву, посмотрел на реку и вернулся к Профессору.

– Вот так, дорогой академик. Извините, что я позволил себе пропагандировать. Но я всё-таки учитель, а все мы «ученые» простыми учителями! —

Профессор молчал. Он в этот момент уже думал о своем, и было непонятно, слышал ли он «пропаганду» Пенкина. Они простились со мной, пожелав мне удачи, взяли свои снасти и направились к лодке. И я вскоре, притушив костер, двинулся к берегу на свою рыбалку, особенную....

Часть 2

Есть люди везучие, которым удача способствует во всём. А вот у меня, в этом отношении, всё как-то – серединка на половинку. Везло мне в рыбалке, это да, а провидение во всю жизнь старалось мне навредить!

С погодой всегда что-то случалось и дождь преследовал меня, начиная с молодости. Именно когда я затевал какое-либо мероприятие на природе – случался дождь. В моей молодости так получилось, что из-за этого дождя я не смог жениться. Романтическая любовь моя, в юности, могла предложить яркие впечатления (как я думал) от похода на мою любимую рыбалку: когда теплым летним днем мы бы сидели у костра с любимой девушкой и провели бы ночь в палатке.... Поэтому я пригласил свою девушку в поход, и она с радостью согласилась, потому что романтики природы не была лишена.

Поехали мы на поезде с рюкзаками, потом шли через лес, перед рекой восхищались берёзовым лесом и сбором земляники – дело было в июне месяце и погода была солнечная. Всё было прекрасно! Но к вечеру небо затянуло чёрной тучей и подул холодный ветер и начался дождь. Так что, чтобы согреться я придумал развести на прибрежном песке большой костер, нагревая песок, потом перетащил костёр в сторону а палатку перенес на теплое, горячее место. Но никакой романтики уже не было: была возня под дождём, – собирали мокрые дрова в лесу, потом палатку перетаскивали и во влажной одежде сидели в палатке.... Девушка моя совсем не была в восторге, ещё и от того, что я бегал к берегу, к своим колокольчикам: рыба клевала в дождь и попадалась в крупных экземплярах, от чего я отказаться не мог. Рыбачил я до самой темноты, оставляя девушку грустить в палатке, прибегая мокрый от дождя целоваться.... В общем, поход был неудачный. Но это не всё. Мы тогда повздорили, но в последствии помирились.

И вновь по моему предложению, решили поехать в другое место. Опять была хорошая погода, и синоптики не предвещали дождей и поселок был большой рядом. Днем мы гуляли по посёлку, а вещи оставили в лесу у речки спрятав в ямке под деревом. Все было хорошо, я даже рыбалку забросил днем, но к вечеру решил-таки половить рыбки на уху, и началось.... Рыба снова клевала и снова с рыбалкой мне везло, а небо снова затянула откуда не возьмись взявшаяся туча, и как после этого верить синоптикам.... Опять повторилось всё как и в первом случае с моим походом. И была снова ссора с моей девушкой. Эта вторая ссора, от моей рыболовной страсти (я думаю), ведь я снова рыбалку под дождём предпочёл любовной лирике «целования»: я бегал на речку к своим звонкам, на своих закидушках-донках, оставляя девушку одну в палатке... – и эта ситуация окончательно нас разлучила. Так я не женился. Но я принимал участие в соревнованиях рыболовов-спортсменов, и на очередных соревнованиях вошёл в десятку лучших в своей области, занял шестое место среди 50 участников. Для меня это было престижнее.

Вот так случилось и на этот раз с нашей встречей одноклассников: к вечеру пошёл дождь. Мои рыбаки на лодке, учитель Пенкин и Профессор, вернулись на берег. Нам ничего не оставалось, как возвратиться в свою деревню.

К тёмному позднему вечеру дождь затих и почти прекратился. Ночь выдалась беспокойная, дождик с черных туч перешёл в грозу, сверкающую молниями над вздрагивающим горизонтом. Казалось, будто тучи подсвечивались багровыми прожекторами. Порывистый ветер швырял в лицо уже мелкие струи дождя и сорванные листья. – Я шёл к дому учителя Пенкина на край деревни, в котором остановился на ночлег-побывку Профессор., меня приглашали на ужин. Свой дом они, Профессорская семья, давно продали и переехали в город насовсем.

Гроза удалялась и ветер стихал – грозы вообще быстро проходят.

В защищённом от ветра дворе, на крыльце сидел сын учителя Петька, в куртке, без шапки с откинутым капюшоном. И не один, а с девчонкой, моей соседкой Любашей. Им было по 17 лет. Они в этом году окончили школу. Любаша уже работала на ферме, а Петька ещё не определился – то ли ехать в город, поступать в институт или оставаться в деревне помогать отцу по хозяйству, а работать в колхозе на тракторе и комбайне механизатором. Колхоз посылал на курсы в недалёкий райцентр, в местное ПТУ, в районном поселке.

Я поздоровался с ними.

– Здравствуйте, вас ждут. А мы погулять собрались, да вот... – и он мотнул головой в сторону сверкнувшей вдалеке над лесом молнии.

Не успел он договорить, как в это время в открытую дверь послышался громкий разговор – спорили два друга.

– Тебе нужен его заработок, – чуть не кричал хриловатый голос Профессора, – а я хочу из него человека сделать. —

– А ты что думаешь? – отозвался гудящий бас учителя Пенкина, – я из него собаку делаю? —

Петька кивнул на окно, освещающее крыльцо со стороны дома:

– Из-за меня воют Профессор с отцом. Подождите минуточку. – Он явно хотел послушать, как там в доме спорят, поэтому и дверь в сени оставил открытой.

– Тёмный ты человек, Паша Пенкин, даром что учитель, да ещё член правления колхоза. Тебе бы, конечно, – цель известная: удержать молодёжь в колхозе, – хриплый голос прокашлялся.

– Известно! Из всей деревенской округи – ты один у нас «учёный». А Петьку я всё равно с тобой не отпущу. Как он там, в городе будет жить? – отозвался иронично отец.

– Ну, что ты «тормозишь»? Парень учился лучше всех и чуть не на золотую медаль, – в аттестате одни пятёрки. И беседовал я, по уму – ему учёным быть. А я устрою его при нашей заводской лаборатории, – будет он и работать на заводе и учиться в институте... – обещал Профессор.

– На учёбу и тут дорога ему «не заказана». Сейчас уже он самостоятельно трактор водит, а зимой курсы механизаторов. Повзрослеет, и потом сам решит! – отец считал, что сын ещё не возмужал как следует.

– А сколько он зря времени растеряет? Ты остынь, подумай. Давай спокойно посчитаем моё время и твоё время. Сам увидишь. Значит так... —

В доме исчезли видные в окно силуэты, наверное, люди присели за стол, и разговаривать стали тихо. Разобрать можно было только отдельные слова. Петька не без гордости сказал:

– Вот, схлестнулись «одноклассники», который хриплый – Профессор.

– Я знаю. А сам-то ты на чьей стороне? —

Петька почесал затылок и слегка усмехнулся.

– Трудное дело. Они меня из дома выгнали за то, что я ни нашим, ни вашим, – сказал он. – Их обоих надо понять. Профессор, он давно городской, он рассуждает по-городскому. А отец мой, другое дело, – для него это главная болячка какая-то? Людей в колхозе маловато, особенно мужиков мало. Но он правду про меня говорит. На тракторе нас в школе учили, вместо уроков труда и на курсы пошлют от колхоза. И с отцом спорить сложно: он крепкий как камень, на своём стоит. Он и дальше будет меня толкать, в механики. И он за колхоз стоит, потому что у нас дела в гору пошли, новый комплекс построили и силосные ямы там большие и коров 300 голов закупили. Ну, а Профессор, – он городской и «учёный»... —

– Разве плохо, учёным быть? – спросил я.

– Почему обязательно плохо? Нет! У Профессора свои принципы и им нужны молодые наверное.

В это время Любаша, подергивая Петьку за локоть, за рубашку, обратила наше внимание на погоду. Тучи незаметно для нас покинули небо и открылись на темном с голубизной фоне яркие звезды. Затих и ветер и по-летнему тепло стало и птицы защебетали в ночной тишине.

– Петька, что ты? – обиженно спросила Любаша.

– Сейчас... – неторопливым голосом сказал Петька и снова прислушался к разговору в доме – Люб! Погоди! Послушаем. —

В это время в доме опять разговор перешел в громкие тона

– Ты, как поп, знаешь только свой приход! – говорил хриплый Профессор. – Заладил, попугайски – колхоз, колхоз. А науку тоже надо поднимать и продвигать и умная молодежь в науке тоже нужна...

Там в доме замолчали.

Петька осторожно тронул меня за плечо и сказал негромко, чуть ли не шепотком:

– Ну, ладно, мы пойдем с Любой прогуляемся, до фермы и обратно. – А это значило пройти всю деревню к другому её концу.

Любаша не спешила идти, когда Петька быстро сбежал с трех ступенек крыльца к калитке. И я успел спросить-сказать:

– Уедет твой Петька? —

Девчонка посмотрела на меня:

– Ну и пускай. Не привязанный же он верёвками. – Помолчала и добавила: – А только никуда он не уедет... – и умиротворенно засмеялась и сбежала с крыльца поспевая за своим любимым.

А в доме опять раздавался громкий разговор.

Войдя в дом, я поздоровался с хозяйкой, которая сутилась в соседней комнатке за перегородкой и вышла мне на встречу услышав, что я закрыл входную дверь с хлопком (от порыва ветра в сени воздух подтолкнул дверь, которую я только легонько направил). Хозяйка вышла в красивом переднике с цветами поверх обычного платья.

– Кваску свежего для запивки, – сказала она, – с изюмом настоян, на чистом сахаре. —

Тут заметался и бросился к ней муж Пенкин.

– Сядь, не егози, – сама поставлю, – строго сказала она ему и водрузила жбан на стол, уже собранный к ужину будто праздничный.

(Как же, – гости из города, да ещё и Профессор, учёный, о котором знали все взрослые и которым гордились: «из их деревни вышел академик» – говорили).

Наверное, ни в одном ресторане на всей планете не увидишь такой еды, какая живописно заполнила этот стол. Маленькие, пупырчатые, янтарного цвета огурчики в пузатой стеклянной банке были похожи на золотых рыбок, затаившихся в укропе, как в водорослях. Тут же квашенная капуста, украшенная морковкой и красными бусами клюквы, пронзительная кислотность её ощущалась на расстоянии. Свет лампочки из абажура над столом играл в слезах растительного масла. И в центре стояла кастрюля с ухой из нашей свежевывловленной рыбы. Рыба была и в жаренном виде рядом с открытой большой посуды с отварной картошкой.

А запивать было что: «первак что спирт, по градусам» – как сказал Профессор., когда мы стали ужинать, рассевшись вокруг стола.

– Вам бы всё только пьянствовать – подала начало разговора Хозяйка. И мы с Профессором продолжили.

– Что за зелье пьем? Чаем пахнет – спросил я Пенкина.

Профессор почему-то отвернулся переводить дух.

– Вино, наверное, так изготавливают?! – с деланным юмором сказа Профессор.

– Чем бы не пахло, лишь бы душу жгло. – выразился Пенкин.

– Уж конечно, – фыркнула хозяйка. – Ты уже и так наскрость горячий. —

Так мы узнали, что учитель Пенкин часто пьет, каждые выходные. Как пояснила хозяйка. Я принялся как мог расхваливать еду и этим несколько смягчил сердце хозяйки. Обстановка за столом немного полегчала. Пенкин налил по второй, как обычно – пили за здоровье.

Сказали о борьбе с пьянством, о запрете на продажу спиртного, который и до деревни дошёл: продавали только после 10 часов дня, по указу.

– Для тех, кто хочет выпить, никакими указами не остановишь, – сказал я.

– Ну-у-у, не скажи, – Пенкин покрутил головой. – указ он действует. А только ведь совсем не «закон природы», что каждый, кто хочет выпить, обязательно пьяница-алкоголик. Вот уж нет, так нет. В другой раз просто душа просит для легкости дыхания....

– Ну что вы говорите? – вынес своё мнение умный Профессор, хотя сам выпивал с нами, но был противник всякого пьянства, и он сказал так, примерно:

– Вы же не вчера родились и не первый раз выпиваете. Вот это самая обычная самогонка из хитрости чаем подкрашенная. Начата борьба с самогонщиками, аппараты конфискуют людей штрафуют. И «пьянству бой» объявлен по всей стране. —

Тут последовала целая лекция, Профессор любил произносить длинные речи. И мы почувствовали, что он прав, а не мы с учителем Пенкиным.

Когда ужин закончился, я встал из-за стола, поблагодарил хозяйку и вышел во двор. Мне казалось, что в светлеющем фиолетовом небе и яркие, отмытые дождём звезды осуждающе пучат на меня свои глаза.

Бывал я во многих деревнях и районах, и в последнее время во всех почти мужики пили, пьянствовали. Сколько пьяных на пути моём вихлялось по дорогам. Настроение у меня от всего увиденного всё хуже и хуже – будто и я виноват в том, что столько пьяных людей в стране.

Конец.

Фраза

Один из уголков (родную деревню, например) можно на всю жизнь полюбить, или, наоборот, возненавидеть на всю жизнь. И так уж повелось – кто любит это место, зовёт его ласкательными суффиксами и окончаниями смягчая-изменяя слова. А другие, не любящие, – сухо и официально именовали, даже с грубостью в голосе, а эта грубость искажала сам смысл, придавая зловещесть месту.

Урбанизация

Ежегодно жить становится тяжелее в городе, где ждет напряженный ритм и высокая плотность населения. Развитая инфраструктура, торговые комплексы означают немало, но чрезмерная интенсивность в жизни города имеет определенные негативные следствия.

Во времена перестройки появились попытки застройки жильем обширных площадей, находящиеся в городской черте, возле нее. За минимальный срок на пустырях построили многоэтажные районы. Но после вселения в новые апартаменты жильцы столкнулись с приличными трудностями. Реально, новоселы вынуждены проходить целый комплекс преград перед ними. Подача воды сопровождается перебоями, лифты не подключены, минимум торговых точек и транспортная проблема.

Движение автобусов рейсовых – нерегулярное. На маршруте малое их количество, что утренние часы превращает в битву среди жителей новостроев. Часто жители оказываются цивилизационно отрезанными. Даже просторное жилье в экологически чистом рейсе автобусов не могут компенсировать появившиеся нужды. В первые годы отдаленные микрорайоны являлись неполноценными, заброшенными.

Сейчас ситуация совершенно иная. Транспортная развязка, торговые предприятия, хорошая экология обеспечивают подобные районы престижем. Сейчас недвижимость здесь имеет очень высокий спрос и является самой приоритетной.

Корпорации строительные сейчас проектируют целые жилые комплексы в полосе пригорода, благодаря чему города постоянно расширяют собственные границы. У владельцев собственного автотранспорта довольно долго нет проблемы с передвижением. Теперь постоянно практикуется возведение жилых многоэтажных строений в пригородной полосе и широко ведется строительство коттеджей для индивидуальных заказчиков.

Конец.

Неприязнь

Часть 1

...Но при всём нашем знании и протекающей ежедневно информации, льющейся из всех современных гаджетов, – окружающую нас действительность мы видим в своём воображении поверхностно, стереотипно:

Капитализм – это такой толстый пузатый «тип-человек», который своими пальцами-сосисками копошится в куче золотых монет, сложенных в его кладовке в подвале на полу пирамидой.

Рабочий класс – это такой красивый спортивный могучий парень, с накаченными мышцами, в блузе с закатанными рукавами, с молотом в руках.

Деревня же – составляет три типа. Это прежде всего худощавый босой в рваных штанах – «бедняк». А есть в сёлах и деревнях средний класс – «мужик-пахарь», – это чуть получше упитанный и обутый в лапти «работяга-тракторист». И есть в сёлах – «кулаки-миroeды-фермеры», которые в жилетках поверх рубахи, в картузах и лаковых сапогах нанимают «бедняков» и «мужиков», а прибыль тратят на себя, строя двухэтажные имения-особняки, обнесённые трёхметровыми заборами.

Это всё вызывает неприязнь к капиталистам и кулакам-фермерам. «Старорежимный, держиморда»!

Власть предержащие совершают много ошибок-преступлений против людей (человечества), против народа. Нужно сказать без церемоний всю правду.

Ошибок много, но, собственно, главная из них – это общий дух, который царит во всех их проявлениях, во всей их «деятельности». То есть, главное – отсутствие любви, отвращение к людям, какое чувствуется во всём. На этом отвращении от властей построена вся система жизни общества.

Отвращение к человеческому голосу (к гласу народа), к лицам, к затылкам, шагам... одним словом ко всему, что составляет человека. Поэтому у всех дверей стоят сытые, грубые полицаи, чтобы не пускать к начальству неприлично одетых людей. Гордость и преобладание царит во всём.

Власти смотрят на всех людей по-наполеоновски, как на мясо для пушек. Но у Наполеона была хоть какая-нибудь идея, а у нас, кроме отвращения, ничего!

Все что есть, десятки миллионов рабочих, здоровых и сильных и красивых людей – служат богатеющим государственным управителям. Разница между их жизнями огромна, в тех же прибылях, например, и зарплатах: у всякого у власти стоящего – миллионы, а у простого народа зарплата – копейки, и прибылей – ноль!

Поэтому, молодые люди, вступающие в большую взрослую жизнь, все стремятся хоть и к маленькой, но власти над другими, а ради этого готовы на любую уже подлость...

Иной молодой человек не прослужит и трех лет, как становится лицемером, подлипалой, ябедником..., всё ради повышения по чину. И в угоду богатому начальству, такие мало-мальски управленцы пытаются содрать «с одного вола три шкуры» – для себя и для других, (себя же нельзя обойти). Так построена система – на самоедстве. Простой народ не считается людьми-личностями. Да и тех же «князей», «графов», едва они оступятся, такие же карьеристы готовы заклевать, как хищники птицы заклёвывают и выгоняют больных из своей стаи.

И что больше всего возмущает, – что имея миллионные состояния прибылей властями – ничего не делается для людей, которым они, якобы, служат; только словами говорится о добре,

а добро всё делается «на показуху», для обмана народа. Обманывают сами себя и обманывают вышестоящих нижние чины власть предержащих.

Благотворительность, которую богатые, якобы, творят, – они считают чем-то серьёзным и полезным, а не «кукольной комедией». На самом-то деле, всякая благотворительность – это игра в «любовь к ближнему», самая откровенная игра. Потому что «акции благотворительности» проводятся одноразово и в отдельных единичных местах. А в остальной повседневности по-прежнему продолжает твориться серая действительность. Вот, к примеру, «дома престарелых» посещают благотворители, богатые «графы и графини» – подарили они чистые новые одеяла и простыни из «голландского полотна». После отъезда благотворителей и одеяла, и простыни исчезают: низшие «приютские чины» растаскивают «подарки» благотворителей. Это только в одном учреждении, куда соизволят ехать благотворители, а в сотнях других «Домах престарелых» всё остаётся по-прежнему: и штукатурка с потолков сыпется и кормят старух и стариков «овсянкой» – овсом как лошадей, животных, фрукты бывают разве что по праздникам. Пока не сгорит «Дом престарелых» вместе со стариками – проблемы таких учреждений никто и не видит...

В остальной жизни по регионам во всём такая действительность – показательные акции во всём! Центральные дороги чистят к приезду высоких чинов, даже фасады домов красят к приезду начальства из Столицы. А во дворах спальных районов всё остается по-старому – дорог нет, они все в ямах и рытвинах, дома без ремонта стоят по 50 лет и так далее.

Часть 2. Про доктора

Однажды я был на берегу озера Байкал, останавливался на пути в посёлок, куда направлялся по работе. И встретила меня девушка-бурятка, из местных жителей, коренных, в рубаше и в штанах из кожи, одетая в привычную свою одежду. Я спросил у неё дорогу к селению, и пока мы говорили, она с презрением смотрела на моё чужое лицо, совсем не круглое, как у всех бурят, на мою одежду «тряпичную», европейскую на мою шапку-фуражку, – и в одну минуту ей надоело говорить со мной, всё презрение выразилось на её сморщившемся выражении лица. Она быстро развернулась и ушла прочь. В разных народах своё разное представление о красоте и лица и одежды, и поведения. Внешним образом, человек старается не выражать своего нерасположения к «чужим», но можно почувствовать неприязнь, почувствовать то раздражение, которое переполняет людей.

(Как было или как должно было быть, но что-то у нас не так все-таки.)

Случилось несчастье в маленьком городке, где жители, почти все знали друг друга, а многие дома в окраинных районах составляли так называемый «частный сектор».

В одной из школ жила мама с сыном в подвальном помещении, – из «понаехавших» или гастарбайтер, с азиатским круглым и плоским как луна лицом – то ли узбечка, то ли казашка, плохо говорящая на русском языке.

Однажды вечером, мальчик сторожихи-дворнички «спрыгнул с постели и наступил на острый топор и повредил ногу» – так она говорила. На самом деле, мальчишка 8 лет игрался в сторожке или колол дрова, или что-то ещё, только ударил он себя по ноге и случилась глубокая рана и он потерял много крови. Когда это случилось никого дома не было, и школа уже не работала. Мальчишка ревел и ждал мать. А когда она пришла, он был уже без сознания, лежал в луже крови. Мама сразу же побежала к ближайшему дому, где жил врач. Его дом в двадцати шагах от школы и все в районе знали о нем, поэтому мать мальчика прежде всего бросилась к нему.

Но каков тип, Николай Петрович! Вот что было, – стучалась она стучалась, чуть окно не выбила. Наконец он подошел и через закрытую дверь порекомендовал отнести мальчика в больницу. Мать через весь город на руках понесла мальчика в больницу, а ведь у врача стояла в гараже машина. Из больницы позвонили учителям, телефон дала дворничка. Учительница, завуч школы, тоже помогла. Мальчику требовалась кровь особой группы, и тогда нашлась медсестра, которая отдала свою кровь, и учительница прибежала, у которой была нужная группа крови. Люди приняли участие в судьбе мальчика.

В больнице оказался корреспондент местной газеты и написал статью, которая вышла на другой же день. Статья была написана хорошо – немногословно и в то же время взволнованно и напряженно, в репортаже была живая тревога за мальчика. «И только один человек, – можно было прочитать в статье в самом конце, – в эту ночь показал себя не так, как от него ждали». Так начиналась часть репортажа про Николая Петровича. Врач мог оказать первую помощь – наложить жгут и так далее.

История развивалась более и более.

С корреспондентом газеты я был знаком и предложил ему вместе пойти к этому Николаю Петровичу и поговорить с ним. Мне и самому это было интересно: почему он так поступил – не помог мальчику, больному?

– Я не смогу спокойно разговаривать с этой сволочью, – угрюмо сказал мне Володя (корреспондент).

– Хорошо, разговаривать буду я. Но надо же выслушать его объяснения, мало ли что? а вдруг он сам заболел или что-нибудь ещё?..

И вот мы с Володей поднимаемся на резное крыльцо нового добротного дома, сложенного из яркого фасадного кирпича. В трёх окнах, выходящих на улицу, пылают шапки герани.

– В этом дворце он живет вдвоем с женой, – сказал мне Володя, уже сразу проявляя свою неприязнь.

Дверь оказалась открытой, и мы вошли в застеклённую галерею над двором, под которой стояла машина сбоку от дорожки к дверям дома.

– А-а, печать собственной персоной! – весело воскликнул Николай Петрович, увидев Володю, он возился во дворе со своей машиной. – Что-нибудь случилось? —

– Не со мной, – пробормотал Володя, отвернувшись в сторону.

Я представился доктору и сказал, что нам очень нужно поговорить с ним. Он настороженно посмотрел на меня, на Володю и начал снимать кожаный фартук.

– Прошу вас в дом. —

Он провел нас в кабинет, в котором стоял огромный стол, три кожаных кресла, заслонённая ширмой кушетка и вертящаяся этажерка с книгами. Над столом висел портрет знаменитого русского хирурга Пирогова. В этом кабинете доктор принимал больных. Он вел частные приемы на дому, в основном богатых клиентов и запись к врачу была по длинной очереди.

– Нас интересует, доктор, почему вы не помогли матери ребёнка ночью? – спросил я.

Доктор долго обдумывал свой ответ, и за это время выражение его лица изменялось несколько раз. Сначала на нем появилось выражение снисходительной иронии, потом промелькнула тень тревоги, потом – раздражение, и, наконец, на нём застыло выражение спокойной задумчивости. Но я видел, что он нервничает. Выдавала лежавшая на столе рука, она всё время шевелилась и вздрагивала.

– Ну что ж, извольте, я отвечу, – сказал он после паузы. – Бывают медицинские случаи, когда помощь может оказать только больница со всем её оборудованием и персоналом. —

– Но вы даже не поинтересовались, что с мальчиком! – воскликнул Володя.

– Мне и не нужно было интересоваться, женщина сама сказала, что мальчик порезался, наступил на топор. В конце концов, если по поводу всех порезов городских мальчишек будить ночью врачей... —

Доктор говорил с нами неискренне, он на ходу подыскивал оправдание своему поступку.

Однако события на этом не закончились. После выхода статьи в газете, где Володя где-то добыл фотографию доктора, под которой написал фразу: «Этот человек отказал в помощи», изменилось отношение местных жителей к доктору. Город узнал всё, что произошло, и вынес Николаю Петровичу свой приговор. Он шёл теперь по улицам словно невидимый. С ним никто не здоровался (а раньше все его приветствовали, и шагу не ступить). В больнице, где он работал, врачи не разговаривали с ним – объявили негласный бойкот. Он пытался объясниться с главным врачом больницы, но главный врач сказал ему:

– Вы, Николай Петрович, так мало работали в больнице и так много занимались частной практикой, что я не знаю, о какой работе вы сейчас говорите. —

Он, Николай Петрович, отправился и в Райздравотдел, но там его не приняли, сказали, что заведующий всю неделю будет очень занят.

В первые дни он ещё на что-то надеялся, пытался предпринять какие-то меры..., но затем он понял, что произошла катастрофа.

Самый популярный в городе человек в одну ночь стал для всех презренным ничтожеством. Это к вопросу, так сказать, о прочности популярности. Впрочем, популярность провинциальных врачей очень часто бывает незаслуженной. Привычка к человеку становится слепой верой в него. Это бывает не только с врачами.

Врач, этот выставил свой дом на продажу и уехал. Куда он уехал никто не знает....

Конец.

Исключение из пионеров. Из детства

Толяба – Толька Щербаков.... Я помню его необыкновенно отчётливо, будто это было вчера, а не много лет тому назад. Коренастый крепыш – он стоит передо мной, широко и упруго расставив свои короткие накаченные ноги, в обтягивающих «джинсах-техасах» советской фабрики «Трехгорная мануфактура». У Толябы большая семья, – кроме него ещё были три сестрёнки постарше и два брата помладше.

...Во дворе нашего нового микрорайона собирались что-то строить и привезли какие-то бетонные блоки, наставили их в два ряда скрывая стройплощадку от жилого двора, строительного забора ещё не было. И вообще мы были первые «поселенцы» в окраинном нашем панельном микрорайоне. Дома росли, как грибы, быстро, один за другим – это было новое слово в строительстве в те годы – панельное домостроение.

А поселенцы были из разных концов города и все только-только знакомились друг с другом, и заводили свои новые «порядки», привычки и «обычаи». Дождливými днями августа, предшкольной, предосенней порой мы собирались с пацанами в каком-нибудь подъезде с широкими лестничными площадками и рассказывали разные истории. А в этот раз дождей не было, как вроде «бабье лето», и солнышко пригревало, собрались мы за бетонными блоками, за которыми среди прочих стройматериалов (кирпичей на поддонах), были свалены свежие доски.

И в этот день случилось. – Захлопнулась дверь с английским замком, а ключ остался в квартире – с таким сообщением прибежала к нам Танька – соседка с четвертого этажа первого подъезда нашей пятиэтажки, одноклассница по возрасту. Все ребята побежали к углу дома. Тогда Толяба вызвался залезть в окно по водосточной трубе. Окно на кухне было открыто, вернее даже не само окно, а форточка окна близкого к углу дома, там, где и проходила водосточная труба, собиравшая воду с крыши.

Подойдя к трубе, Толька поплевал на руки, снял курточку, передав её одному из ребят, снял даже тяжелые осенние ботинки, оставшись в носках, подпрыгнул и ухватившись за трубу, по-лягушачьи двигая ногами стал подниматься вверх. Произошло это так быстро, что никто ничего сказать не успел. Толяба тем и отличался в дальнейшем, что он всегда сначала делал, а потом уже думал.

Мы не сразу осознали всю опасность происходящего. Только когда наш Толяба добрался до третьего этажа, и мы увидели, как труба шатается в своих не успевших поржаветь скобах, мы поняли, какой опасности подвергается наш приятель. Он мог свалиться с большой высоты.

– Спускайся обратно! – сдавленно крикнул я. Меня схватила за руку Танька.

– Нельзя кричать, криком ты его спугнёшь – сказала она, сама замирая и сжимая мою руку.

А труба, хоть и не ржавая, закреплена была плохо и всё могло плохо кончиться.

Но Толяба вскоре был уже на уровне четвёртого, оставалось перебраться с трубы на окно, на подоконник, что было самое сложное, труба скрипела в уключинах-креплениях. Сами того не замечая, мы стояли с «открытыми ртами» и, затаясь от волнения, смотрели за смельчаком.

Толик подтянулся, наконец, и повис ногами наружу на форточке, – как он там спустился головой вперёд мы уже не видели. А Танька убежала впереди всех к себе домой. Я бегом за ней. То, что я увидел в квартире, было невероятно: Толяба лежал ничком на полу, уткнувшись лицом в Танькины колени, и судорожно рыдал. А она гладила его волосы рукой и тоже плакала, только беззвучно. Я стоял с минуту остоленев и не знал, как себя вести.

– Закрой дверь, почти шепотом сказала мне Танька, – что я быстро исполнил. – Ничего... сейчас пройдёт... – сказал Толяба, виновато улыбнувшись сквозь слёзы. Это чтобы никто не видел. Потом мы так и договорились – никому не рассказывать ничего....

Мы приняли меры (предупредили всех), чтобы взрослые об этом происшествии не узнали. Но весь двор видел, и отец Толика как-то узнал. Он вышел к нам во двор и стал расспрашивать, как было дело... Мы рассказали очень сбивчиво... Потом отец Толика подошёл к трубе, потрогал её рукой, посмотрел вверх, покачал головой и направился к Толику, который стоял в стороне опустив голову. «Ну, начинается», – подумал я, и сердце зашлось тогда болью за Толябу. Но отец поступил совершенно неожиданно, он обнял Толика за плечи, и сказал:

– Молодец, парень... характер у тебя мой.... Это хорошо. Но больше по трубам не лазить! Понял? —

– Понял, – тихо сказал Толяба.

...А в школе в тот год все ребята поступили в пионеры – все сразу, почти все были одноклассники в нашем дворе, я так думаю. Малышня, конечно, тоже была, но она выпадала из поля зрения, на них просто не обращали внимания, матери и бабушки занимались малышкой. А старших почему-то в нашем дворе не было. Может быть они уходили в другие дворы....

Однако, для пионерского отряда из старых местных жителей окраинного района города, (частый сектор и дома-бараки – деревянные двухэтажки, ещё оставались в районе, а «панельки», с квадратными дворами между ними, были новые и «пришлыми» заполненные) – прибытие нашего пополнения явилось радостным весьма сомнительного свойства. Мы принесли с собой «буйную вольницу» дворовых привычек. Но из вожатых старшеклассников, учеников девятого класса, из девочки и мальчика, «юноша» был житель нашего двора, «из панелек», – комсомолец Серёжа Колосов. И он проявлял дьявольское терпение к нашим неадекватным выходкам: когда на каждом собрании, на каждом «совете отряда» разбирались поступок кого-нибудь из нас, новеньких.

Этот Серёжа Колосов, видать, был не только умнее, но и хитрее всех нас, неизвестно чем он «подкупил»: многие ребята потянулись к нему и вне школы, во дворе у нас. Во время прогулок всё чаще слышалось от пацанов: – Надо спросить у Серёжи... – или – Серёжа этого не разрешает... – и так далее. И так незаметно многие из ребят стали подчиняться ранее им неведомой силе – дисциплине коллектива.... Вдруг стало важным для многих всё, что происходит в отряде пионеров, и, наконец, пионерство побудило во многих жадное, неутомимое любопытство к делам, совершавшимся за пределами двора и даже за пределами школы....

Сказано – «многие», – это значит не все стали пионерами. Некоторых исключили из пионеров заслуженно, а некоторых, меня, например, вообще не приняли в пионеры.

Но я стал свидетелем события исключения из пионеров одного нашего пацана, ставшего потом моим другом.

Пионеры установили шефство над «трудными подростками», над теми, кто учился не очень хорошо, – это называлось «подтягивать» по учёбе. Так вот, я считался одним из «трудных» и за мной пионеры «присматривали», что называется.... Даже летом, в каникулы, эти пионеры во главе со своим вожатым Серёжей Колосовым меня «доставали».

Однажды летом почти весь отряд отправился на нашу речку в поход и взяли с собой меня и младших ребят с нашего двора. За город проехали на автобусе, – ребят было так много, что автобус был переполнен.... К речке мы шли через лес, бродили по лесу в поисках земляники-ягоды, а после этого купались в реке. Речка и пляж, который мы нашли, был не такой, как на той же нашей речке в черте города: лягушатников для малышей не было, и течение реки было достаточно быстрым. И вожатый, Серёжа Колосов, вместе со своими пионерами из своего «совета отряда» разделили ребят на четвёрки, во главе которых были умеющие плавать, чтобы во время купания старшие смотрели за младшими, за теми, кто плавает плохо или не умеет.

Ну и меня привлекли – я плавал хорошо, умел плавать даже без рук, вытянув их вперед....

Моя четвёрка расположилась рядом с четвёркой Толябы. Мне попалась очень удачная троица ребят: они так боялись глубины, что их и палкой нельзя было загнать на метр дальше от берега, плескались они на мелководье. Убедившись в этом, я уплыл далеко к середине реки, и плавал вволю. Вдруг я услышал страшный крик:

– Генка утонул! Генка утонул! —

Буквально за минуту до этого я видел, как этот Генка из Толькиной четвёрки, разбежавшись, неуклюже плюхался в воду у берега....

– Генка утонул! – истошно кричали ребята, паникуя.

Я поплыл к тому роковому месту, и мне самому было страшно так, что у меня немели руки.

На обрыве у пляжа появился вожатый Серёжа Колосов. Не раздеваясь, он бросился в воду, нырнул и тут же вытащил безжизненное тело. В это время подоспел и я, мы вместе вынесли на берег скользкое и холодное тело Генки. Вдруг раздался треск сучьев, и из кустов, как снаряд, вылетело и плюхнулось в воду человеческое тело – это был опоздавший Толяба.

Послышались гудки, и у обрыва показалась легковая машина, из которой выскочил мужчина в белом халате: скорая помощь дежурила в местах отдыха, и кто-то успел позвать их. Подбежав к нам, врач скорой склонился над Генкой и начал действовать. Он делал Генке искусственное дыхание. Толяба стоял тут же, лицо у него было такое же синее, как у «утопленника» Генки, и его трясло.

Произошло, как мне казалось, чудо: Генка ожил и начал неровно дышать.

– В машину! – отрывисто приказал врач. Мы втащили Генку в машину и нас, меня и еще одного пионера вожатый посадил вместе сопровождать, бросив нашу одежду нам, принесённую тут же кем-то. Когда машина тронулась, последнее, что я видел, на фоне реки – силуэт сгорбившегося Тольки.

...Совет отряда потом разбирал дело о проступке Толика, позвали меня тоже на «совет пионеров», в качестве свидетеля события.

Ну и, конечно, Толябу исключили из пионеров. Я запомнил слова вожатого Серёжи Колосова, он сделал краткое сообщение о случившемся и потом сказал жесткие слова:

– Покинуть товарища в беде – разве может быть для пионера более страшный поступок? —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.